

УДК 821.512.151'255

DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-9-121-136

А. А. Озонова, Е. В. Тюттешева

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

ajanao@mail.ru, tyunteshvae@mail.ru

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АЛТАЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА
«ПАЛАТА № 6»***

Рассматриваются два одновременных перевода повести А. П. Чехова «Палата № 6» на алтайский язык. Первый перевод был опубликован в 1959 г. в сборнике А. П. Чехов «Куучындар» (Рассказы) под редакцией тогда еще начинающего алтайского писателя и поэта Л. В. Кокышева. Переводчик повести не указан. Автор второго перевода (2014 г.) С. С. Торбоков (Токшын Торбоков) – писатель, журналист и единственный профессиональный алтайский переводчик. Его перевод опирался на более ранний, но при этом был переработан с учетом развития современного алтайского литературного языка.

На основе анализа двух переводов показаны некоторые лексические и грамматические изменения, которые произошли в алтайском языке за 55 лет. Исследованы способы передачи новых понятий, средства выражения реалий и представлений, не характерных для алтайцев. Наиболее сложными для перевода оказались абстрактные понятия, реалии русской жизни XIX в., лексика, относящаяся к духовной культуре, что связано с различием культурных и религиозных традиций. Для адекватной передачи такой лексики переводчики использовали следующие способы: 1) сохранение в тексте соответствующих русских слов в адаптированном или неадаптированном виде; 2) подбор алтайских эквивалентов; 3) создание новых слов на основе собственных языковых средств; 4) пропуск вызвавших затруднение лексем. Они применяли такие приемы, как лексическое добавление, генерализация, калькирование, грамматическая замена, изменение структуры предложения и др.

Определенные трудности вызвал перевод новых для алтайского языка типов синтаксических отношений, для которых свои средства выражения окончательно еще не сложились. Например, отношения соответствия, выражаемые в русском языке сложными предложениями с союзом *чем ... тем*.

Оба переводчика стремились сохранить близость к оригиналу. Для перевода 1959 г. характерно сохранение русских слов, часто в неадаптированном виде, нетипичных для алтайского языка русских синтаксических конструкций, что иногда приносит некоторую искусственность в текст и затрудняет его понимание носителями алтайского языка. Перевод 2014 г. более адаптирован для алтайского читателя. В нем прослеживается творческий подход автора, его стремление как можно больше передать средствами родного языка.

Ключевые слова: переводная литература, алтайская литература, алтайский язык, язык перевода, А. П. Чехов.

Произведения А. П. Чехова относятся к числу сложных для перевода и интерпретации. Его пьесы и рассказы стали переводить на европейские языки еще при жизни. Они переведены более чем на 90 языков мира. Однако сам автор неодобрительно относился к переводам своих произведений, поскольку «считал, что иноязычная публика не сможет постичь всех “специфически национальных” кодов, зашифрованных в его драматургии» [Мирзабаева,

---

* Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН № II.2П «Интеграция и развитие», проект № 0328-2015-0011 «Формирование новых типов идентичности и отражение исторической памяти в языковом сознании общества».

2015. С. 787]. Вне исторического контекста, вне тех понятий, которые очень важны для русской жизни того времени, теряется их специфика, часто может быть не понята чеховская ирония.

На алтайский язык произведения А. П. Чехова были переведены в 50-е гг. XX в. [Каташ, Катыхова, 2004. С. 248]. Для алтайской литературы послевоенного времени характерна активная переводческая деятельность: «...недостаток в создании оригинальных художественных произведений на родном языке в какой-то мере восполняется переводами произведений русских писателей, других народов СССР» [Казагачева, 1969. С. 106]. Было переведено около ста произведений русских и советских писателей. Во второй половине 50-х гг. в литературу приходит новое поколение писателей и поэтов, получивших образование в Литературном институте им. А. М. Горького: А. Адаров, Л. Кокышев, Э. Палкин. Наряду с появлением новых оригинальных произведений этих молодых писателей продолжается перевод произведений русской, советской и зарубежной классики.

Были изданы два сборника переводов произведений А. П. Чехова: «Куучындар» (Рассказы) (ред. Е. Плеханова. Горно-Алтайск, 1954); «Куучындар» (Рассказы) (ред. Л. В. Кокышев. Горно-Алтайск, 1959). В эти сборники вошли рассказы «Ванька», «Каштанка», «Унтер Пришибеев», «Хамелеон», «Крыжовник», «Спать хочется», «Средство от запоя», «Лошадиная фамилия», «В бане» и повесть «Палата № 6». Также были переведены пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», «Медведь», «Сватовство», «Свадьба».

В данной статье мы рассматриваем два разновременных перевода повести «Палата № 6» (1959 и 2014 г.) на алтайский язык. Исследуются способы передачи новых понятий, средства выражения реалий и представлений, не характерных для алтайцев.

Первый алтайский перевод повести «Палата № 6» («6 №-лү палата») был опубликован в сборнике 1959 г. под редакцией тогда еще молодого, начинающего алтайского писателя и поэта Л. В. Кокышева. К сожалению, в сборнике не были указаны конкретные переводчики ни рассказов, ни рассматриваемой повести.

Автор позднего перевода (2014 г.) – С. С. Торбоков (Токшын Торбоков), писатель, журналист и единственный алтайский профессиональный переводчик. Им были переведены на алтайский сказки народов мира, произведения русских и советских писателей, Евангелие от Марка, Новый завет и др. При переводе «Палаты № 6» («Алтынчы палата») Т. Торбоков опирался на переводной текст 1959 г., переработал его с учетом развития современного алтайского литературного языка.

Особая трудность перевода произведений А. П. Чехова на алтайский язык заключается в различии культурных и религиозных традиций, в передаче некоторых абстрактных понятий, а также лексем и устойчивых сочетаний со специфическим значением в русском языке. Для адекватной передачи такой лексики переводчики используют несколько приемов: 1) оставляют в тексте соответствующие русские слова в адаптированном или неадаптированном виде; 2) стараются подобрать алтайские эквиваленты; 3) на основе собственных языковых средств создают новые слова; 4) пропускают вызвавшие затруднения лексемы.

В обоих переводах ожидаемо встречаются русские слова, отражающие реалии русской жизни XIX в. Среди них заимствования, которые уже вошли в алтайский язык и подверглись фонетическим изменениям: *стене* 'стена', *печке* 'печка', *сенек* 'сени', *потполъы* 'подполье', *картошко* 'картошка', *картап* 'картошка', *лакпа* 'лавка', *школ* 'школа', *клап* 'клоп', *газет* 'газета', *чот* 'счет', *огурчын* 'огурец', *болуштоп* 'бутылка', *сопок* 'сапог', *түрме* 'тюрьма' и др. Значительную часть русских слов переводчики оставили без изменения. Это лексика, передающая названия реалий, появившихся в жизни алтайцев в более поздний период, например медицинская терминология: *хирург*, *фельдшер*, *скальпель*, *термометр*, *инструмент*, *касторка*, *антисептика*, *гипнотизм*, *гигиена*; одежда и некоторые ее детали: *костюм*, *галстук*, *карман*; общественно-политическая и экономическая лексика: *общество*, *сенатор*, *жандарм*, *исправник*, *почтмейстер*, *князь*, *либерал*, *интеллигент*, *учреждение*, *вексель*, *статистика*; лексика, отражающая элементы культурной жизни, образования и религии: *театр*, *клуб*, *журнал*, *нота*, *гимназия*, *факультет*, *урок*, *философия*, *монастырь*, *архиерей* и др.

Для второго перевода характерно большее число адаптированных заимствований, в то время как в первом они предстают как русские слова с неадаптированным для алтайского языка обликом.

Например:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>счет</i>	<i>счет</i>	<i>чот</i>
<i>Россия</i>	<i>Россия</i>	<i>Арасей</i>
<i>оловянные кружки</i>	<i>теленгир кружкалар</i>	<i>теленгир кўрүшкелер</i>
<i>фуражка с козырьком</i>	<i>козыректү фуражка</i>	<i>көсөрөктү пурашка</i>
<i>бочка</i>	<i>бочка</i>	<i>бочко</i>

Следует отметить, что в первом переводе наблюдается гораздо большее количество русских слов, чем во втором. Это объясняется, прежде всего, тем, что второй перевод был сделан в наши дни. Алтайский язык получил статус государственного, стал языком богатой оригинальной художественной литературы, публицистики, научной литературы, делопроизводства; активно развивается общественно-политическая терминология, появляется много новых лексем для реалий, которые раньше имели русское название.

Например:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>больница</i>	<i>больница</i>	<i>эмчилик</i>
<i>чиновник</i>	<i>чиновник</i>	<i>сайыт</i>
<i>уездное училище</i>	<i>уездный училище</i>	<i>уезд сургал</i>
<i>школа</i>	<i>школ</i>	<i>сургал</i>
<i>наука</i>	<i>наука</i>	<i>билим</i>
<i>час</i>	<i>час</i>	<i>саат</i>
<i>яблоко</i>	<i>яблоко</i>	<i>алама</i>
<i>история</i>	<i>история</i>	<i>түүки</i>

В противоположность второму переводчику первый необоснованно часто оставляет в тексте русские слова даже при возможности адекватно передать данные понятия средствами родного языка:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>одна рюмка водки</i>	<i>бир рюмка аракы</i>	<i>бир чөбчөй аракы</i>
<i>март</i>	<i>март ай 'месяц март'</i>	<i>тулаан ай</i>
<i>преступник</i>	<i>преступник</i>	<i>кариучыл</i>
<i>духовная академия</i>	<i>духовный академия</i>	<i>кудай жангын үренер академия 'академия, изучающая закон божий'</i>
<i>каждую минуту</i>	<i>кажы ла минутта</i>	<i>кажы ла элесте 'каждое мгновение'</i>
<i>Образ поставлен его иждивением... (с. 136)</i>	<i>Кудайдын сүри онын иждивениезине тургузылган... (с. 39)</i>	<i>Кудайдын сүри онын акчасы-ла тургусылган... (с. 23) 'Образ Бога поставлен на его деньги...'</i>

Иногда объемы значения заимствования в алтайском языке и его русского прототипа не совпадают, и употребление его в переводе в некоторых контекстах некорректно, поскольку

приводит к искажению смысла. Например, заимствование *общество* вошло в алтайский в значении ‘определенный круг людей’:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
у <i>общества</i> нет высших интересов (с. 125)	<i>обществодо</i> бийик јилбү јок (с. 28) ‘в обществе нет высших интересов’	<i>обществодо</i> бийик јилбү јок (с. 9) ‘в обществе нет высших интересов’

Значение ‘компания’, которое имеется у русской лексемы, в алтайском языке отсутствует:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
...единственный во всем городе человек, <i>общество</i> которого для Андрея Ефимыча не тягостно. (с. 137)	<i>Ол бастыра городто сок јангыс кижги, обществозы Андрей Ефимычка кунукчыл эмес.</i> (с. 40) ‘Он во всем городе единственный человек, его * <i>общество</i> Андрею Ефимычу не скучно.’	<i>Бастыра городто Андрей Ефимыч јангыс бу кижиге кыртыштан-байт.</i> (с. 25) ‘Во всем городе Андрей Ефимыч только по отношению к этому человеку не раздражается.’

В речи современного молодого поколения можно встретить употребление слова *общество* в данном контексте, однако это можно расценивать как явление интерференции.

Следует отметить, что в переводе 1959 г. калькирована также структура русского предложения, некорректная для алтайского языка. Естественным был бы следующий порядок слов: *Ол бастыра городто обществозы Андрей Ефимычка кунукчыл эмес сок јангыс кижги.*

В плане несовпадения объема значения интересен также следующий пример:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
надевала офицерское <i>платье</i>	<i>офицерский платьеени кийип ала</i> (с. 42)	<i>офицер јикпене кийип</i> (с. 27) ‘надев офицерскую юбку’

В переводе 1959 г. оставлено слово *платье*, которое в русском языке XIX в., помимо значения ‘платье как конкретный вид одежды’, имело более широкое значение ‘одежда’. В алтайский язык это слово вошло только в первом значении, поэтому данный перевод может быть неправильно понят читателем. Неверное понимание данного слова отражается в переводе 2014 г., где вместо русского *платье* в широком значении использовано слово *јикпе* ‘юбка’.

С 1990-х гг. после получения алтайским языком наряду с русским статуса государственного языка наблюдается активное использование собственных языковых средств для номинации новых понятий, а также для замены некоторых уже прочно вошедших в язык русских заимствований (*школ – сургал, город – кала, холодильник – сооткыш, машина – көлүк, стиль (художественный) – мар* и др.). Некоторые из них входят в словарный состав языка, другие остаются только в письменной речи. В позднем переводе прослеживаются примеры словотворчества, что связано со стремлением переводчика по возможности избегать русских слов. Алтайский литературный язык «находится в живом развитии, приходится не просто переводить, а изобретать слова...» [Бедюров, 2015]. Для создания нового слова Т. Торбоков использует словосложение, кальки, аффиксальное словообразование от русской производящей основы:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>флигель</i>	<i>флигель</i> (со сноской: <i>јаан тураһың оғрадазында турған туралар</i> ‘дома, стоящие во дворе большого дома’) (с. 24)	<i>кош тура</i> букв. ‘добавочный дом’
<i>исполнительный лист</i>	<i>исполнительный лист</i>	<i>бүдүрөөчи чаазын</i> букв. ‘бумага, которая исполняет’
<i>печники</i>	<i>печник=тер</i>	<i>печке=чи=лер</i>
<i>трактирщик</i>	<i>трактирщик</i>	<i>трактир=чи</i>

При переводе слова *флигель* автор, раскрывая для читателя значение данного слова, обратился к словосложению: ср. *флигель* ‘пристройка сбоку главного здания или дом во дворе большого здания’ [Ожегов, 1983. С. 759] → *кош тура* ‘добавочный дом’. Второй пример *бүдүрөөчи чаазын* ‘исполнительный лист’ представляет собой кальку: *букв.* ‘бумага, которая исполняет’. В последних двух примерах аффикс деятеля =чы присоединяется к заимствованной основе.

Стараясь использовать собственные средства алтайского языка при отсутствии эквивалентов, Т. Горбоков находит лексемы, имеющие общие компоненты значения с русскими словами. Эти алтайские лексемы, как правило, имеют широкое значение, но в определенном контексте переводчик употребляет их в более узком, специализированном значении. Например, глагол *арестовать* в тексте 1959 г. передан сочетанием русского глагола в форме инфинитива и алтайского вспомогательного глагола *эт=* ‘делать’. Это распространенная модель словообразования от русских глаголов. В тексте 2014 г. в этом значении используется глагол *олјоло=* ‘брать в плен’:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>арестовать</i>	<i>арестовать эдер</i> ‘арестовать’	<i>олјолоор</i> ‘брать в плен’
<i>...Ночью [он] не спал и все думал о том, что его могут арестовать, заковать и посадить в тюрьму</i> (с. 127)	<i>...Түнде... уйуктабаган, оны арестовать эдерден, канјылаардан ла түрмеге отургызар-дан айабас деп, јаан-тайын сананып турган</i> (с. 30)	<i>... Түнде уйуктабаган, оны олјолоордон, канјылаардан ла түрмеге отургызардан айабас деп сананган</i> (с. 11)
<i>арест</i>	<i>арест</i>	<i>олјо</i> ‘плен’
<i>в аресте и тюрьме... в сущности, нет ничего страшного</i> (с. 128)	<i>арестте ле түрмеде жалтамчылу бир де неме јок</i> (с. 31)	<i>олјодо ло түрмеде жалтамчылу неме јок</i> (с. 13)
<i>арестанты</i>	<i>арестанттар</i>	<i>олјодо улус</i> ‘люди в плену’
<i>Дома целый день у него не выходили из головы арестанты и солдаты с ружьями...</i> (с. 127)	<i>Айылында оның бажынан арестанттар ла мылтыктарлу солдаттар түжине ле чыкпай турды...</i> (с. 30)	<i>Айылында олјодо улус ла мылтыктарлу солдаттар кере- түжине санаасынан чыкпай...</i> (с. 11)

От таких случаев употребления некоторых алтайских лексем в непривычном, несвойственном для них специализированном значении следует ограничивать прием генерализации, широко используемый переводчиком. В то время как переводчик текста 1959 г. часто оставляет русские слова, стремясь к более близкой, дословной передаче смысла текста, Т. Горбоков прибегает к контекстуальной замене русских слов алтайскими с более широким значением, сохраняя при этом общий смысл предложения:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>по воскресеньям</i> ...по воскресеньям в приемной кто-нибудь из больных, по его при- казанию, читает вслух акафист... (с. 136)	<i>воскресен күндер сайын</i> ‘по воскресным дням’ ...воскресен күндер сайын приемныйда онын јакарузы аайынча оору улустан кем- кем өскө улус угун тургадый эди сарымдап турат. (с. 39)	<i>амыраар күндер сайын</i> ‘по выходным дням’ ...амыраар күндер сайын бу кыпта онын јакарузыла оору улустан кем-кем угустыра сарындап турат. (с. 23)
<i>матрацы</i>	<i>матрацтар</i>	<i>төжөк-жастыктар</i> ‘постель, постельные принадлежности’
<i>под подушкой и под матрацем</i>	<i>жастыгынын алдында ла төжөгинин алдында</i> ‘под подушкой и под постелью’	<i>жастыгынын алдында ла төжөгинин алдында</i> ‘под по- душкой и под постелью’
<i>панталоны</i>	–	<i>ич кийимдер</i> ‘нижнее белье’ (букв. ‘внутренние одежды’)
<i>квас</i>	<i>квас</i>	<i>суузын</i> ‘питье, напиток’
<i>в первую минуту</i> ...и эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец. (с. 122)	<i>баштапкы минуттарда</i> ‘в первые минуты’ Бу жыт слерге баштапкы ми- нуттарда слер ан турган жерге келгенигердий билдирет. (с. 25) ‘Этот запах кажется вам, как будто вы вошли в ме- сто, где находятся звери.’	<i>баштап тарый</i> ‘первое время, сначала’ Баштап тарый ан-куштын таскагына кирип келгенигер- дий бодолот. (с. 4) ‘Первое время думается, будто [вы] вошли в загон зверей и птиц.’
<i>овчарка</i> ... выражение степной овчарки	<i>овчарка</i> ... онын бүүдүжи чөлдиг ов- чарказына жүзүндөш (с. 24)	<i>укту ийт</i> ‘породистая собака’ ...бүүдүжи чөлдиг укту ийди- не кеберлөш (с. 3)
<i>амеба</i> ...жизнь которых бес- содержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь аме- бы... (с. 135)	<i>амеба</i> ...жүрүми амаду жок, куру ла амебанын жүрүмине түп- түңгөй болгон... (с. 38) ‘жизнь их была бессодержательна, пуста и похожа на жизнь амебы’	<i>эн оогош тынду</i> ‘самое малое существо’ ...жүрүми амаду жок, куру ла эн оогош тындунын жүрүмине түп-түңгөй болор... (с. 21–22) ‘жизнь их будет бессодержательна, пуста и похожа на жизнь са- мого малого существа’
<i>земство</i> Года два тому назад земство расцедри- лось... (с. 143)	<i>земство</i> Эки жыл мынан кайра земство жакшы күүни тудала... (с. 46)	<i>башкарту</i> ‘правление’ Эки жыл мынан кайра баиш- карту жакшы күүни тудала... (с. 32)
<i>помещик</i> Михаил Аверьяныч ко- гда-то был очень бога- тым помещиком и служил в кавалерии... (с. 137)	<i>помещик</i> Михаил Аверьяныч качан да сүрекей бай помещик болгон ло кавалерияда служить эт- кен... (с. 40)	<i>бай кижги</i> ‘богатый человек’ Михаил Аверьяныч качан да сүрекей бай кижги болгон, атту черүде турган... (с. 25)
<i>гривенник</i>	<i>гривенник</i>	<i>оок акча</i> ‘мелкие деньги’
<i>антисептика</i> отсутствие антисеп- тики	<i>антисептика</i> антисептика жогы ‘отсутствие антисептики’	<i>эм-тус</i> ‘лекарственные сред- ства’ эм-тус жедиштей турганы ‘нехватка лекарственных средств’

Иногда при переводе русских реалий, не имеющих прямых соответствий у алтайцев, Т. Горбоков приводит названия алтайских реалий, обнаруживающих те или иные сходные с ними черты:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>щи</i> <i>щи из кислой капусты</i>	<i>мўн</i> ‘бульон’ <i>кычкылтым капустадан белетеген мўн</i> ‘бульон, приготовленный из кислой капусты’	<i>мўн</i> ‘бульон’ <i>кычкылтым капустадан кайнаткан мўн</i> ‘бульон, приготовленный из кислой капусты’
<i>ушат</i> Утром больные... умываются в сенях из большого <i>ушата</i> ... (с. 131)	<i>ушат</i> ...эртен тура оору улустар сенекте јаан <i>ушаттан</i> јунунуп турулар... (с. 34) ‘Утром больные моются в сенях из большого ушата.’	<i>колјунгуш</i> ‘рукомойник’ ...эртен тура оору улус сенекте <i>колјунгуштан</i> јунунуп... (с. 16) ‘Утром больные моются в сенях из рукомойника.’
<i>скрипка</i>	<i>скрипка</i>	<i>икили</i> ‘алтайский двухструнный смычковый инструмент’
<i>коляска</i>	<i>коляска</i>	<i>абра</i> ‘телега’

Лексема *икили* кажется здесь не совсем удачной, так как обозначает определенный национальный инструмент, ни по форме, ни по способу игры не напоминающий скрипку.

Для перевода названий социальных слоев, нетипичных для алтайского общества, переводчики в каждом конкретном случае находят разные способы. Так, при переводе обращения *ваше высокоблагородие* использованы полукальки с калькированием первого компонента *ваше* (перевод 1959 г.) и второго компонента *бийик* ‘высокий’ (перевод 2014 г.):

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>ваше высокоблагородие</i>	<i>слердин высокоблагородие</i> ‘ваше высокоблагородие’	<i>слердин бийик благородиегер</i> ‘ваше высокое благородие’

При передаче таких понятий, как *благородного звания, из благородных*, переводчики попытались подобрать алтайские эквиваленты:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>благородного звания</i>	<i>агару кижи</i>	<i>укту-төстү</i>
<i>из благородных</i>	<i>агару улустардын бирүзи</i>	<i>укту-төстүлердин бирүси</i>

В раннем переводе использовано сочетание *агару кижи*, первый компонент которого *агару* ‘святой, священный’, а второй – *кижи* ‘человек’. Это сочетание активно употребляется в алтайских переводных православных текстах в значении ‘святой человек, святой’. Таким образом, оно не является эквивалентом русского *благородный*. Во втором переводе найдено более удачное парное слово *укту-төстү* ‘родовитый, знатный’.

Название ‘низшее сословие’ в обоих текстах переведено описательно как низшее относительно говорящего (и его собеседника):

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>нижнее сословие уровень ее развития ... нисколько не выше, чем у низшего сословия</i> (с. 138)	<i>бистен уйан јаткан улус</i> ‘люди, живущие хуже нас’ <i>Онын өзүмининге кем, бистен уйан јаткан улуска көрө, бир де эмиш бийик эмес</i> (с. 41)	<i>бистен уйан јаткан улус</i> ‘люди, живущие хуже нас’ <i>...онинг өзүмининге кем, бистен уйан јаткан улуска көрө, бир де эмиш бийик эмес.</i> (с. 26)

Наибольшую трудность вызывает перевод некоторых абстрактных понятий, лексики, связанной с духовной культурой: *интеллигентный, личность, нравственная чистота, душа, благородство души, пошлость, честь*. Так, исследователи отмечают, что «пошлость – одно из самых известных непередаваемых русских слов» [Зализняк и др., 2005. С. 182]. В каждом конкретном случае такие слова приходится переводить по-разному, более или менее приближаясь к смыслу оригинала:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>Даже интеллигенция не возвышается над пошлостью...</i> (с. 138)	<i>Керек дезе интеллигенция уй-ан немелерден бийик көрүнбей туру...</i> (с. 41) ‘Даже интеллигенция не выглядит выше неважных вещей’	<i>Керек дезе интеллигенция уй-ан немелерден бийик көдүрилбейт.</i> (с. 26) ‘Даже интеллигенция не поднимается выше неважных вещей’
<i>Пусть я выражаюсь пошло...</i>	<i>Мен келишпес эрмек те ай-дын турган болойын...</i> (с. 49) ‘Пусть я говорю неподходящую речь...’	<i>Мен келишпес эрмек те ай-дын турган болойын...</i> (с. 37) ‘Пусть я говорю неподходящую речь...’

Иногда переводчики вынуждены заменять труднопереводимое слово – конкретное определение или название человека – словами *өскө / өскөлөр* ‘другие’, *кижи* ‘человек’:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>Андрей Ефимыч знает, что для лихорадящих, чахоточных и вообще впечатлительных больных такая обстановка мучительна...</i> (с. 135)	<i>Калтыраак ла јөдүлдү оорулу улустарга ла өскө дө ооруларла оорун тургандарга мындый айалга јарабазын Андрей Ефимыч јарт билит јат...</i> (с. 38) ‘Андрей Ефимыч ясно знает, что больным лихорадкой и кашлем, да и болеющим другими болезнями такое положение не подходит...’	<i>Калтырак ла чемет оорулу улуска, өскөлөрине де мындый айалга јарабасын Андрей Ефимыч билер...</i> (с. 22) ‘Андрей Ефимыч знает, что больным лихорадкой и чахоткой, да и другим такое положение не подходит...’
<i>пустынник</i>	<i>бир кижин</i> ‘один человек’	<i>аалга јерде јуртаган бир кижин</i> ‘один человек, живший в пустынном месте’ – описательный перевод

По-разному в переводах представлено слово *душа*. В традиционной культуре алтайцев нет понятия души, подобного русскому. У алтайцев различается несколько душ, каждая из которых имеет свои характеристики и свое название (*кут* ‘душа зародыша’, *тын* ‘душа-дыхание, жизненная сила человека’, *сүне* ‘душа, покидающая человека в момент тяжелой болезни

и смерти', сүр 'душа-облик'). В силу своей специфики ни один из этих терминов не употребляется переводчиками для передачи русской лексемы *душа*. Как религиозное понятие *душа*, *бессмертие души* не имеют эквивалента в алтайском языке:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>бессмертие души</i>	<i>кижнинин өлүм жогы</i> 'бессмертие человека'	<i>кижнинин өлүм жогы</i> 'бессмертие человека'

В русском языке *душа* – многозначное слово, в том числе оно обозначает средоточие духовной и эмоциональной жизни человека, что в алтайском переводе соответствует нескольким лексемам: *санаа* 'мысль, душа', *күүн* 'желание, настроение, душа', *жүрек* 'сердце':

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>душевная тревога</i>	<i>санаазындагы жарты жок чочыду</i> (с. 30) 'неясный испуг в мыслях'	<i>жарты жок чочыду</i> (с. 11) 'неясный испуг'
<i>Приветствую их от всей души и радуюсь, радуюсь за них!</i>	<i>Олорды акту санаамнан уткуп ла сүүнип турум, олор учун сүүнип турум!</i> (с. 49) 'Приветствую их и радуюсь от искренних моих мыслей, радуюсь за них!'	<i>Олорды акту күүнимнен уткуп, сүүнип турум, олор учун сүүнип турум!</i> (с. 37) 'Приветствуя их от искренней души (желания), радуюсь, радуюсь за них!'
<i>благородство души</i>	–	<i>ак-чек күүндү</i> (с. 25) 'с честной душой (намерением)'
<i>возмущенная, сострадающая душа</i>	<i>киленкей күүн-тап</i> букв. 'сострадающее намерение, намерение сострадать'	–

В редких случаях переводчики опускают то или иное труднопереводимое слово:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>моцион</i>	–	–
<i>панталоны</i>	–	<i>ич кийимдер</i> 'нижнее белье'
<i>фитильная гарь</i>	<i>фитильдин ыжы</i> 'дым от фитиля'	<i>ыш</i> 'дым'

Иногда пропуск слова, например в устойчивых сочетаниях, может быть необходимым, а дословный перевод на алтайский язык выглядит искусственно и не передает значения русского сочетания. Так, сравнение *как рак* в позднем переводе опущено как не соответствующее ассоциативным связям алтайцев:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>он краснеет, как рак</i> (с. 134)	<i>ол рак чылап кызарып...</i> (с. 37) 'он, краснея как рак...'	<i>ол кызарып...</i> (с. 20) 'он, краснея...'

К примерам неверно понятых русских слов в том и другом переводе можно отнести следующие:

№	Оригинал	Перевод	
		1959	2014
1	<i>Утопить в отхо-жем месте!</i> (с. 144)	<i>Улус јѳрбес јерде сууга чѳндѳрип салар керек!</i> (с. 47) '[Его] нужно утопить в реке в месте, где не ходят люди!'	<i>Эн јерде сууга чѳндѳрип салар керек!</i> (с. 34) '[Его] нужно утопить в пустынном месте в реке!'
2	<i>жид</i> <i>Мойсейка</i> , дурачок	<i>Мойсейка деп керик ле тенек кижии</i> 'Мойсейка, жадный и глупый человек'	<i>еврей укту</i> <i>Мойсейка деп тенек</i> 'дурачок Мойсейка еврейского рода'
3	<i>жидовская лавка</i>	<i>кериктердин лавказы</i> 'лавка жадных'	<i>еврейлердин лакпасы</i> 'лавка евреев'
4	<i>горячечные рубахи</i>	<i>јылу чамчалар</i> 'теплые рубахи'	<i>кѳлѳлѳ чамчалар</i> 'рубашки с повязками'
5	<i>богоугодное заведение</i>	кудайга <i>јарамзыыр</i> заведение	кудайга <i>јарамыкту тура</i>
6	<i>Дом и вся движимость были проданы с молотка...</i> (с. 125)	<i>Тура ла бастыра бар немелер маскадан ала садылган болгон...</i> (с. 28) 'Дом и все имеющиеся вещи начиная с молотка были проданы...'	<i>Тура ла бастыра немелер садылып...</i> (с. 8) 'Дом и все вещи были проданы...'
7	<i>городовой</i>	<i>городовой</i>	<i>городто јамылу ииччи</i> 'работник с высокой должностью в городе'

В предложении (1) *отхожее место* понято обоими переводчиками как 'нехоженое место, место, где не ходят'. В примере (2) в первом тексте слово *жид* переведено как *керик* 'жадный', а *жидовская лавка* – соответственно как *кериктердин лакпасы* 'лавка жадных' (3), в то время как в позднем тексте естественно выглядит русское заимствование *еврей*. Сочетание *горячечные рубахи* (в названии обозначено условие – горячка, – при котором надевается эта специальная рубаха) в переводе 1959 г. понято буквально как *јылу чамчалар* 'теплые рубахи' (6); в тексте 2014 г. при переводе взят за основу признак покроя рубашки (с завязывающимися рукавами).

Определенные трудности вызывает перевод грамматических форм, разных синтаксических конструкций. Это отмечается даже при переводе с одного родственного языка на другой [Назаренко, 2010], а русский и алтайский относятся к разным языковым семьям и разным структурным типам.

Так, сложным оказывается перевод русских глаголов с залоговыми показателями. Первый переводчик для передачи семантики русского глагола *представлен* неудачно употребил алтайский глагол *бер*= 'дать', у которого эта семантика отсутствует, с показателем страдательного залога: *бер=ил*= 'быть отданным'. Глагол *бер*=, как и многие другие алтайские глаголы в пассивной форме на =*ыл*, по отношению к человеку не употребляется. Смысловой перевод второго автора оказался более удачным: он использовал глагол *кайралда*= 'наградить' в форме каузативного залога – *кайралда=т*= 'позволить наградить', так как алтайский каузатив может передавать страдательное значение:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
– <i>Поздравьте меня, – говорит он часто Ивану Дмитричу, – я представлен к Станиславу второй степени со звездой.</i> (с. 130)	<i>Мени уткугар, Станиславтын чолмонду экинчи степенин аларга мен бер=ил=ге-м</i> (с. 33) 'Поздравьте меня, я передан получить вторую степень Станислава со звездой.'	<i>Мени уткугар, мен Станиславтын чолмонду экинчи степендѳ ордениле кайрал-да=д=ыл јадым</i> (с. 16) 'Поздравьте меня, я награжден орденом Станислава второй степени со звездой.'

Для передачи семантики русского возвратного глагола *отдаться* в составе словосочетания *отдаться отчаянию и страху* в переводе 1959 г. также используется алтайский глагол *бер=* ‘дать’, но в форме возвратного залога (*бер=ин=*):

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>Иван Дмитрич, в конце концов, видя, что это бесполезно, совсем бросил рассуждать и весь отдался отчаянию и страху (с. 128)</i>	<i>Учы-учында мынан туза болбозын көрүп тура, Иван Дмитрич неме шүүнип отуларып токтодып койгон, кунукчылду санаар-кашка ла коркыдуга бер=ин=ип ийген (с. 31)</i> ‘В конце концов, видя, что от этого не будет пользы, Иван Дмитрич прекратил что-либо обдумывать, *отдался грустным переживаниям и страху.’	<i>Арт-учында, мынан туза болбосын көрүп, Иван Дмитрич неме шүүнип отуларып токтодып, кунукчылду санааркашка ла коркыдуга ал=дыр=ган (с. 13)</i> ‘Наконец, видя, что от этого не будет пользы, Иван Дмитрич прекратив что-либо обдумывать, был охвачен грустными переживаниями и страхом.’

Как и в предыдущем примере, первый переводчик старается сохранить грамматическую структуру русского глагола, но употребление *бер=* в данной конструкции выглядит искусственно. Семантика рассматриваемого русского глагола адекватно передана в переводе 2014 г., где используется глагол *ал=* ‘брать’ в форме каузатива (*ал=дыр=* ‘позволить взять’).

Вызвал трудности перевод новых для алтайского языка типов отношений, для которых свои средства выражения окончательно еще не сложились. Таковы, например, отношения соответствия, которые в русском языке выражаются сложными предложениями с союзом *чем ... тем*. В обоих переводных текстах для выражения этого типа отношений использована усилительная частица *там* ‘совсем, еще более, еще больше’ или ее сочетание с усилительной частицей *ла*. Однако эти средства не передают особенности семантики русской конструкции:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>...но чем умнее и логичнее он рассуждал, тем сильнее и мучительнее становилась душевная тревога (с. 128)</i>	<i>...je бу керекти ол там ла акчегинче ле быжулап шүүнип отурганда, жүреги там ла тынгыда чочып, шыралап турар боло берди (с. 31)</i> ‘...но, когда он все более откровенно и основательно обдумывал это дело, его сердце, все более , сильнее пугаясь, стало мучиться.’	<i>...je ол там акчегинче ле быжулап шүүнип отурганда, жүреги там чочып, шыралап турар боло берген (с. 13)</i> ‘...но, когда он все более откровенно и основательно обдумывал [это], его сердце, все больше пугаясь, стало мучиться.’

В алтайском языке инфинитив представлен формой на *=арга*, которая восходит к причастной форме настоящего-будущего времени на *=ар* в дательном падеже. У алтайского инфинитива имеются конкуренты – функционально близкие причастные или деепричастные формы, – которые в определенных конструкциях могут использоваться наряду или вместо формы на *=арга*.

В переводе 1959 г. в конструкциях с глаголами движения, где ожидается форма на *=арга*, используется форма *=арына*, которая представляет собой причастную форму настоящего-будущего времени на *=ар* в дательном падеже с показателем 3-го л. *=ы*. Действительно, форма на *=арына* может употребляться вместо *=арга*, но, как правило, в конструкциях с некоторыми эмотивными глаголами:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
– Я совсем не имею претензии обращать вас в свою веру (с. 155)	Слерди бойымнын жангым жаар тартып аларына мен бир де амадабай турум (с. 58)	Слерди бойымнын жангыма тартып аларына мен бир де амадабай турум (с. 49)

Использование этой формы в целевых конструкциях является грамматически неправильным:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
...доктор вышел проводить до ворот своего приятеля почтмейстера (с. 144)	...доктор бойынын жуук нөкөрин почтмейстерди вортага жетире үйдежип саларына тышкаары чыккан (с. 46)	...эмчи бойынын нөкөрин почтмейстерди каалгага жетире үйдежип койорго тышкаары чыкты (с. 33)
Да, полагаю... Шпион или доктор, к которому положили меня на испытание, – это все равно (с. 149)	– Эйе, сананып жадым... мени ченеп көрөрине ийген шпион, эмезе доктор, онызы туней ле (с. 52)	– Эйе, сананып жадым... мени ченеп көрөргө ийилген кайучыл эмезе эмчи, орды жангыс (с. 41)

В алтайском языке имена с аффиксом обладания =лу / =ту в функции сказуемого не принимают показателей лица и числа. В первом переводе имя *аргалу* ‘иметь возможность’ оформляется показателем лица, что грамматически некорректно:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
При всякой обстановке вы можете находить успокоение в самом себе (с. 147)	Кандый да айалга боло берген тужунда токунаалу болорын слер бойыгардан бойыгар таап алар арга=лу=гар (с. 50)	Кандый ла айалгада токуналу болорын слер бойыгардан бойыгар таап алар аргалу (с. 38)
И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя решетками (с. 147)	Слер үч решетканын кийинде де жадатан болзогор, слер де ол немелерле тузаланар арга=лу=гар (с. 50)	Үч кат карчий-терчий тулку темирлерле бөктөлгөн дө жадатан болзогор, слер де ол немелерле тузаланар аргалу (с. 38)

В переводах отражается влияние русского языка. Это можно увидеть на примере сложных предложений с временной семантикой. В русском языке общая временная соотнесенность выражается конструкциями с союзом *когда*. В алтайском языке им соответствуют конструкции с причастным зависимым сказуемым в форме местного падежа: =ганда, =арда. Первый переводчик в таких предложениях последовательно вводит союз *качан* ‘когда’, который семантически избыточен:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
Когда кто-нибудь роняет пуговку или ложку, он быстро вскакивает с постели и поднимает. (с. 124)	Качан кандый бир кижги топчыны эмезе калбакты жерге тужүрүп ийгенде, ол төжөгинен түрген тура жүгүреле, тужүрген немени ээзине алып берет. (с. 26–27)	Кем де топчы эмезе калбак ычкынып ийгенде, төжөгинен тура жүгүреле, ол немени ээзине алып берет. (с. 6–7)

В обоих переводах встречаются кальки с русского языка. Так, в алтайском языке русской конструкции с порядковым числительным, обозначающей определенное время, соответствует описательная конструкция «количественное числительное в дательном падеже + *час / саат* ‘время’ + *бар* = ‘идти’». В данном случае предложение *Был пятый час вечера* должно быть переведено *Энгирдинг беш чазына барып јаткан*.

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>Был пятый час вечера</i> (с. 150)	<i>Энгиргеери ой бежинчи часка барып јаткан</i> (с. 52)	<i>Энгиргеери ой бежинчи саат-ка барып јаткан</i> (с. 42)

На основе двух переводов можно увидеть изменения, которые произошли в алтайском языке за 55 лет, т. е. со времени первого перевода (1959 г.).

Так, в первом переводе глагол в форме настояще-будущего времени на *=ар* в 3-м л. мн. ч. в подавляющем большинстве случаев оформляется показателем множественного числа, что в современном алтайском языке недопустимо. В «Грамматике ойротского языка» (1940 г.) даны два варианта формы 3-го л.: без показателя множественного числа и с таким показателем. При этом форма без показателя множественного числа дается как более употребительная [Дыренкова, 1940. С. 177]. В современном алтайском языке оформление глагола в форме 3-го л. показателем множественного числа факультативно, а в форме настояще-будущего времени на *=(А)р* невозможно. Это получило отражение во втором переводе:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>Люди будут болеть, стариться и умирать так же, как и теперь.</i> (с. 147)	<i>Улустар, эмдиги ок чылап, оорып, карып ла олүн турарлар.</i> (с. 49)	<i>Улус, эмдиги ок чылап, оорып, карып, олүн турар.</i> (с. 37)
<i>Там и пища здоровая, и уход, и лечение.</i> (с. 169)	<i>Ондо аш-курсак та јакшы, кийнинен көрүн те турарлар, эмдеп те турарлар.</i> (с. 71)	<i>Ондо курсак јакшы, кичееш, эмдеш.</i> (с. 68)

В первом переводе глагол в форме 3-го л. мн. ч. императива оформляется показателем *=зындар*. В «Грамматике ойротского языка» представлены два показателя императива 3-го л. мн. ч.: *=зын* и *=зындар*. При этом указывается, что первая форма используется чаще [Дыренкова, 1940. С. 158]. В современном алтайском языке показателем 3-го л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения является только *=зын*:

Оригинал	Перевод	
	1959	2014
<i>Он любил, чтоб ему служивали, даже когда это было совершенно не нужно.</i> (с. 160)	<i>Болор ло болбос кереги јок то немелер ого јакшы көрүнип турзындар деп, ол сүүп туратан.</i> (с. 63)	<i>Ол болор-болбос эш-кереги јок то немелер ого јакшы көрүнөрин сүүген.</i> (с. 57)

Переводчикам такого сложного произведения А. П. Чехова, как повесть «Палата № 6», пришлось решать вопросы, связанные с передачей новых реалий и понятий, а также нетипичных для алтайского языка синтаксических отношений. Они использовали такие приемы, как лексическое добавление, генерализация, калькирование, грамматическая замена, изменение структуры предложения и др.

Оба переводчика стремились сохранить близость к оригиналу, однако каждый перевод отражает состояние алтайского языка своего времени. Для перевода 1959 г. характерно сохранение русских слов, часто в неадаптированном виде, нетипичных для алтайского языка русских синтаксических конструкций, что иногда привносит некоторую искусственность в текст и затрудняет его понимание носителями алтайского языка. По замечанию А. Адарова, в 1950-е гг. уровень художественного перевода не вполне соответствовал образцам перевода. С одной стороны, существовала строгая цензура, которая следила за точностью перевода слова, а не передачи художественной мысли, – нельзя было даже переставлять слова в предложении [Киндикова, 2012. С. 175]. Опыт переводов А. П. Чехова на другие языки, в частности на чешский, показывает, что последовательное «стремление сохранить как можно большую близость к лексическому и синтаксическому строю подлинника» может утяжелить текст. Иногда важнее «найти более точные по смыслу и эмоциональному воздействию» соответствия на родном языке [Назаренко, 2010. С. 380–381, 384].

Перевод Т. Торбокова более адаптирован для алтайского читателя. В нем прослеживается творческий подход автора, его стремление шире использовать средства родного языка.

В настоящее время сложилась ситуация, в какой-то мере похожая на ситуацию конца 1940-х – начала 1950-х гг. По словам известного литературоведа Н. М. Киндиковой, «в литературах тюркских народов Сибири действительно образовался вакуум: старшее поколение, кого мы считали живыми классиками, ушло из жизни, новое еще не осмелилось выйти на арену» [2015. С. 12]. Появилось много новых имен, но они еще находятся в творческом поиске. После затишья 1990-х гг. вновь издается несколько переводных произведений, которые в некоторой степени восполняют нехватку новой оригинальной литературы. Однако следует отметить, что «после распада СССР активная деятельность в области перевода с языков народов Российской Федерации на русский язык и с русского языка на языки народов Российской Федерации и издание этих переводов существенно сократилось. Существовавшие в структуре центральных советских издательств специализированные редакции литературы народов СССР были закрыты в связи с закрытием или перепрофилированием самих издательств. Государственные квоты на издание этой литературы были отменены, ее целенаправленный библиографический и статистический учет прекращен»¹.

19 мая 2015 г. состоялось совместное заседание Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, по итогам которого Владимир Путин подписал перечень поручений. В числе прочих поручение «обеспечить условия для подготовки в федеральных государственных образовательных организациях высшего образования переводчиков художественной литературы с языков народов Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета»².

Конечно, современная ситуация кардинальным образом отличается от довоенного и послевоенного времени, когда многие алтайцы не владели или плохо владели русским языком. Несмотря на то, что современный алтайский читатель может познакомиться с произведениями русской литературы в оригинале, все же есть необходимость в переводе. Удачные переводы произведений мастеров слова всегда обогащают язык-реципиент, положительно влияют на функционирование и сохранение родного языка, на развитие оригинальной литературы.

Список литературы

Бедюров Б. Я. Высоколобых западных экспертов будут учить чукчи и индейцы. 2015. URL: <http://www.gumilev-center.ru/brontojj-bedyurov-vysokolobykh-zapadnykh-ehkspertov-budut-uchit-chukchi-i-indejicy/> (дата обращения 05.06.2017).

Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка: Моногр. / Под ред. С. Е. Малова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 303 с.

¹ См.: Концепция развития художественного перевода URL: <http://institutperevoda.ru/docs/225464185> (дата обращения 05.06.2017).

² Перечень поручений по итогам совместного заседания Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/49877/print> (дата обращения 05.06.2017).

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Казагачева З. С. Алтайская советская литература послевоенного периода // Очерки по истории алтайской литературы: Моногр. / Под ред. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 1969. С. 98–106.

Каташ С. С., Катынова С. Ш. Литература периода Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия // История алтайской литературы: Коллект. моногр. / Под ред. Р. А. Палкиной. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2004. Кн. 1. С. 236–256.

Киндикова Н. М. Зарубежная литература в переводе: проблема инонационального восприятия // Диалог культур: поэтика локального текста: Материалы III Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 6–9 сентября 2012 г. / Под ред. Н. С. Гребенниковой. Горно-Алтайск, 2012. С. 172–180.

Киндикова Н. М. Новейшая алтайская литература: вопросы жанра и стиля // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 3 (11). С. 11–17.

Мирзабаева А. М. Переводы произведений Чехова на иностранные языки // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 787–792.

Назаренко Л. Ю. Драмы А. П. Чехова в чешских переводах: история и современность // Русский язык и культура в зеркале перевода. К 150-летию юбилею А. П. Чехова: Материалы II Междунар. науч. конф. М., 2010. С. 380–385.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.

Список источников

Чехов А. П. Собр. соч. М.: Худож. лит., 1956. Т. 7: Повести и рассказы (1888–1891). 519 с.

Чехов А. П. Куучындар (Рассказы) / Под ред. Л. В. Кокышева. Горно-Алтайск, 1959. 247 с.

Чехов А. П. Алтынчы палата / Пер. Т. Торбокова. Горно-Алтайск: Изд-во Алтын-туу, 2014. 303 с.

A. A. Ozonova, E. V. Tyuntешеva

*Institute of Philology SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ajanao@mail.ru, tyunteshvae@mail.ru

LEXICAL AND GRAMMATICAL TRAITS OF ALTAI TRANSLATIONS OF A. CHEKHOV'S *WARD No. 6*

The article offers a review of two Altai translations of A. Chekhov's *Ward No. 6* made in different years. The first translation was published in 1959, in an anthology of Chekhov's short stories *Куучындар* edited by a then-beginning Altai writer and poet L. V. Kokyshev. The translator was not named. The second translator (2014) S. S. Torbokov (Tokshyn Torbokov) is a writer and a journalist, as well as the only professional translator in Altai. His translation is based on the earlier one; however, he reworked the earlier version taking into account the modern state of the literary Altai language.

We analyze the two translations to show some lexical and grammatical shifts that have occurred in the Alta language during the last 55 years. We study the means of expression of new concepts, as well as ideas not typical for Altai culture. We reveal that the abstract concepts and facts of Russian life in XIX century, as well as words related to spiritual culture, provide the greatest difficulties in translation, which is explained by differences in cultural and religious traditions. To convey the meaning of these words, translators use the following means: 1) preservation of Russian words in adapted or non-adapted forms; 2) selection of appropriate Altai equivalents; 3) creation of new words on the basis of existent linguistic means; 4) omission of problematic lexemes. Translators

also used lexical addition, generalization, calques, changes in grammatical and syntactic structures, etc.

Some difficulties were caused by certain types of syntactic relations that haven't yet been assimilated by the Altai language (for example, relations with the meaning of correspondence expressed by complex sentences with 'чем ... тем' in Russian).

Both translations tried to preserve the original traits of the text. The 1959 translation is characterized by preservation of Russian words, often in non-adapted forms, preservation of Russian syntactic constructions not typical for the Altai language, which sometimes make the text sound artificial and hard to understand for the Altai readers. The 2014 translation is more suited to the needs of Altai readers. It shows the translator's creative work and his striving to express as much as possible by the means of his native language.

Keywords: Altai language, translated literature, Altai literature, language of translation, A. Chekhov, loan-words, equivalents, adequacy of translation.

References

Bedyurov B. Ya. Vysokolobykh zapadnykh ekspertov budut uchit' chukchi i indeytsy [High-brow Western Experts to be Taught by Chukchi and Native Americans]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/brontojj-bedyurov-vysokolobykh-zapadnykh-ehkspertov-budut-uchit-chukchi-i-indejicy/> (accessed 05.06.2017). (in Russ.)

Dyrenkova N. P. Grammatika ojrotskogo jazyka [Ojrot grammar]. Moscow; Leningrad, izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940. (in Russ.)

Katash S. S., Katynova S. Sh. Literatura perioda Velikoy Otechestvennoy voyny i pervogo poslevoennogo desyatiletia [Literature of Great Patriotic War and First Post-War Decade]. *Istoriya altayskoy literatury* [History of Altai Literature: Collective Monograph]. Ed. R. A. Palkinoy. Gorno-Altaysk, GUP «Gorno-Altayskaya respublikanskaya tipografiya», 2004, book 1, p. 236–256. (in Russ.)

Kazagacheva Z. S. Altayskaya sovetskaya literatura poslevoennogo perioda [Soviet Altai Post-War Literature]. *Ocherki po istorii altayskoy literatury* [Studies in History of Altai Literature: A Monograph]. Ed. S. S. Surazakova. Gorno-Altaysk, 1969, p. 98–106. (in Russ.)

Kindikova N. M. Noveyshaya altayskaya literatura: voprosy zhanra i stilya [Newest Altai Literature: Issues of Genre and Style]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayano-Altai Scientific Digest], 2015, № 3 (11), p. 11–17. (in Russ.)

Kindikova N. M. Zarubezhnaya literatura v perevode: problema inonatsional'nogo vospriyatiya [Translated Foreign Literature: Problem of Foreign Perception]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Dialogue of Cultures: Poetics of Local Text: Materials of III International Scientific Conference]. Gorno-Altaysk, September 6–9, 2012. Ed. N. S. Grebennikovoi. Gorno-Altaysk, RIO GAGU, 2012, p. 172–180. (in Russ.)

Mirzabaeva A. M. Perevody proizvedeniy Chekhova na inostrannye yazyki [Foreign Translations of Chekhov's Works]. *Molodoy uchenyi* [Young Researcher]. Kazan', 2015, № 4. (in Russ.)

Nazarenko L. Yu. Dramy A. P. Chekhova v cheshskikh perevodakh: istoriya i sovremennost' [A. Chekhov's Dramatic Works Translated into Czech: History and Modernity]. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. K 150-letnemu yubileyu A. P. Chekhova. Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russian Language and Culture Reflected in Translation. For A. Chekhov's 150th Anniversary. Materials of II International Scientific Conference]. Moscow, Vysshaya shkola perevoda MGU Publ., 2010, p. 380–385. (in Russ.)

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1983. (in Russ.)

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: Sb. st [Key Ideas of Russian Language World View: An Anthology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. (in Russ.)